

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ВОЗМОЖНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Погребения, представляющие собой одновременные захоронения двух и более человек, встречаются практически у всех современных и древних народов. Такие погребения возникают в результате близкой по времени смерти нескольких человек. Причины, приведшие к этому, могут быть самые разнообразные. Однако в качестве наиболее вероятных следует назвать инфекционные заболевания, несчастные случаи, убийства в ходе агрессивных действий, а также жертвоприношения, сопровождающие смерть выдающегося человека.

При археологических раскопках установление одновременности захоронений нескольких людей сталкивается с рядом проблем. Так, естественная или преднамеренная разрушенность погребального сооружения нередко препятствует выявлению убедительных аргументов в пользу одновременного уложения тел или подзахоронения. Плохая сохранность костного материала может существенно затруднить определение числа погребенных индивидов.

В настоящей работе предпринимается попытка выявить основные факторы, способствующие возникновению коллективных могил в погребальной практике средневекового населения Западной Сибири. Анализ проводился по данным могильников Сайгатинский VI и Зеленый Яр, антропологические останки из которых были исследованы автором.

Могильник Сайгатинский VI расположен вблизи деревни Сайгатина Сургутского района ХМАО–Югры. В данной работе рассматриваются материалы раскопок, проведенных под руководством К. Г. Карачарова¹. В процессе работы было проанализировано 59 погребений IX–X веков, содержащих человеческие останки, 15 из которых содержали захоронения более чем одного индивида. В 14 случаях это были парные захоронения, в одном погребении были обнаружены останки семи людей*.

Сохранность костей в некрополе в большинстве случаев плохая, значительная часть элементов отсутствует, а имеющиеся — повреждены. В силу этого проведение палеопатологического анализа и установление причин смерти умерших оказывается крайне затруднительным, однако для некоторых индивидов это сделать удалось. Описанию коллективных захоронений, для которых оказалось возможным выяснить причину смерти хотя бы одного человека, в работе будет уделено особое внимание.

Таковым и является погребение № 79 Сайгатинского VI могильника. В нем обнаружены кости мужчины 25–30 лет, располагавшиеся в анатомическом соответствии на дне ямы, и части шести голов, пять из которых были сконцентрированы у развала сосуда в северо-западном конце могилы. Краниальные останки принадлежат четырем взрослым мужчинам, молодой женщине и ребенку 5–8 лет. В погребении были найдены следующие предметы: половинки бубенцов, бронзовый крест, фрагменты бронзовых височных колец, нож с костяной рукоятью, железная петля, серебряная обкладка рукояти, наконечники стрел.

На трех черепах зафиксированы повреждения, нанесенные оружием с длинным клинком. На черепе, принадлежащем мужчине 25–35 лет, в левой части чешуи лобной кости имеется разрушение искусственного происхождения. Травма представляет собой узкую щель с ровными краями — разруб. Плоскость щели располагается по секущей к своду черепа, от середины вбок. Повреждение имеет форму ломаной линии, части которой сходятся под тупым углом. Длина верхней части (характеризующей длину проникновения орудия) — 50 мм, нижней (характеризующей глубину проникновения) — 24 мм. Следы заживления отсутствуют. Форма и характер повреждения позволяют заключить, что удар был нанесен острозаточенным клинком сверху вниз слева направо. Полученное ранение было не совместимо с жизнью.

На черепе другого мужчины 25–35 лет травма обнаружена на лице. В правой части лицевого отдела имеется длинное узкое повреждение, однозначно интерпретируемое как разруб. Линия рассечения проходит по правой стороне верхней челюсти от середины носовых костей до коренных зубов. Края щели ров-

* Автор выражает глубокую благодарность К. Г. Карачарову за возможность использования неопубликованных археологических данных могильника Сайгатинский VI.

ные, следов заживления нет. Удар был произведен незадолго до смерти оружием с острым лезвием и вершиной (сабля?). Повреждение, очевидно, было нанесено концом клинка, глубоко проникшим в кость.

Останки мужчины 40–60 лет представляют собой мумифицированный блок, включающий часть головы и шеи и образовавшийся, по всей видимости, в результате отсечения головы орудием с длинным острым клинком. Секущая плоскость проходила диагонально — от основания шеи с левой стороны до правого плеча, захватив часть ключицы.

Положение в могильной яме отдельных черепов однозначно указывает на их подчиненное положение по отношению к «полному» скелету. Таким образом, данный комплекс интерпретируется как захоронение мужчины, в погребальное сооружение которого были положены шесть отрубленных голов.

Могильные ямы Сайгатинского VI могильника, в которых определены *парные погребения*, достаточно большие. Элементы обоих скелетов располагаются в заполнении ямы или на дне. Очевидных черт прева-лирования одного человека над другим в захоронении не обнаружено. Парные погребения не концентрируются на отдельных участках и не выделяются особым положением в структуре некрополя.

В 11 случаях оба умершие взрослые: в шести погребениях — мужчины; в четырех — один мужчина, пол второго не определен; в одном — пол одного из погребенных определяется как возможно мужской, а второго — как возможно женский. В трех случаях парно похоронены дети и подростки: в одном погребении в могилу были уложены человек юношеского возраста и ребенок, в двух — оба умершие дети.

Обстоятельства смерти удалось выяснить только для одного парного погребения. Погребение № 108 не потревожено, покойные были уложены на спину с выпрямленными ногами, одна рука была вытянута вдоль корпуса, вторая — отведена и соприкасалась с рукой другого человека. Вокруг черепов были зафиксированы разнообразные бронзовые украшения; кроме них в могиле были обнаружены два ножа. Останки принадлежат мужчинам, умершим в возрасте 20–30 и 40–60 лет. Посткраниальные элементы оказались практически истлевшими, зато хорошо сохранились оба черепа. На черепе более молодого человека четко фиксируются два пересекающихся разреза мозговой коробки. Один приходится на заднюю часть левой теменной кости и располагается почти вертикально. Второй рассекает эту же кость по горизонтали с левой стороны. Края разрезов ровные, прямые, без следов заживления. Описанные разрушения являются следами двух последовательных рубящих ударов, один из которых, очевидно, и был смертельным.

Ранения нанесены оружием с длинным клинком. Насильственная смерть одного из погребенных и единовременность захоронения обоих мужчин позволяют предположить, что второй человек тоже был убит в ходе этого же боя.

Могильник Зеленый Яр, находящийся около одноименного поселка Приуральского района ЯНАО, раскапывался под руководством Н. В. Федоровой². В составе некрополя обнаружены захоронения VIII–IX веков и XIII века. Ни одно из погребений раннего этапа не содержит останков более чем одного человека. В могильнике же XIII века в двух могильных ямах из 19 были обнаружены останки нескольких индивидов. И в каждом из этих случаев удалось установить причину смерти одного человека.

Погребение № 18 частично разрушено грабительским вкопом. Под целыми плахами перекрытия обнаружены кости двух скелетов и фрагменты стенок медных котлов. Погребенные были уложены параллельно друг другу на спину, руки вытянуты вдоль туловища. Останки принадлежат мужчинам, умершим в возрасте 30–45 лет. В полости черепа «западного» скелета был обнаружен костяной наконечник стрелы, зафиксированный грунтом. Наконечник плоский, общей длиной 3,5 см и длиной лезвия 2,5 см. Он находился в проекции височной ямки, на уровне правой глазницы, параллельно длинной оси черепа, острие обращено в сторону затылка. Положение наконечника указывает на то, что стрела попала человеку в глаз, проникнув внутрь на 9 см. Вероятность смертельного исхода в результате подобного ранения весьма велика. Одновременность захоронения обоих людей и насильственная причина смерти одного из них дают все основания полагать, что и второй человек тоже был убит.

Погребение № 30 частично разрушено грабителями. На дне неповрежденной части были обнаружены лежащие в анатомическом сочленении кости ног трех взрослых мужчин. Рядом с пяточными костями располагались медные пластины, вырезанные из стенок котлов. При совершении обряда умершие были уложены в большую могильную яму, рядом друг с другом. Двое погребенных располагались в вытянутом положении на спине, третий был положен на правый бок с согнутыми ногами и отведенной за спину

левой рукой, спиной к другим людям. Среди перемещенных останков, обнаруженных в разрушенной половине могилы, оказалась мумифицированная часть туловища, включающая правую лопатку и несколько правых ребер, покрытых мягкими тканями. На спинной стороне этого блока были обнаружены два разреза кожных покровов: один — в области нижнего угла лопатки, другой — с левой стороны средней части грудной клетки. Разрезы прижизненные, без следов заживления, длиной 21 и 23 мм. Подобные повреждения однозначно интерпретируются как проникающие ранения, нанесенные ножом с шириной лезвия около 20 мм. Судя по открытости ран, человек недолго прожил после их получения. Продолжая логику предыдущих рассуждений, и в этом случае можно заключить, что все трое мужчин были убиты в ходе одного столкновения.

Сопоставляя коллективные погребения, обнаруженные на средневековых могильниках Сайгатинский VI и Зеленый Яр, можно выделить их следующие черты. Во-первых, в них захоронены преимущественно мужчины; во-вторых, они не занимают особого места на кладбище и не концентрируются на отдельных участках; в-третьих, положение индивидов в могильном сооружении определяется как равное и их количество редко превосходит пару. Кроме этого, в трех «равноправных» захоронениях удалось определить причины смерти людей. Это оказались ранения оружием. Единовременность захоронения, убийство в ходе схватки с применением оружия одного из погребенных, отсутствие выраженного приоритета кого-либо из усопших позволяют сделать вывод, что во всех трех случаях мы имеем дело с захоронениями людей, погибших в одном бою. То, что 19% (3 из 16) коллективных захоронений оказались принадлежащими жертвам столкновений с применением оружия, дало основание сформулировать следующую гипотезу. *Основная часть коллективных погребений, входящих в состав средневековых могильников лесной полосы Западной Сибири, является местами захоронений людей, убитых в ходе вооруженных конфликтов.*

Одним из аргументов в пользу этого предположения является половозрастной состав захоронений. Большинство погребенных в них составляют взрослые мужчины, то есть наиболее вовлеченные в вооруженные столкновения члены общества. Присутствие в могилах небольшого количества детей также не противоречит предлагаемой модели. Как свидетельствуют находки погребения № 79 Сайгатинского VI могильника, дети, к сожалению, тоже являлись жертвами вооруженного насилия.

Еще одно *pro* выдвинутому тезису кроется в распространении черепных травм среди в из коллективных погребениях. Среди 12 проанализированных черепов обнаружено два черепа с повреждениями, что составляет 12%. Обе травмы преднамеренные: одна нанесена стрелой, вторая, вероятно, — саблей. Статистические данные по современным жертвам насилия показывают, что в область головы и шеи приходится в 6–17 раз меньше поражений, чем в область туловища. Археологические материалы представляют сходную картину: так, при полном скелетном исследовании доля боевых травм, зафиксированных на посткраниальных элементах, оказывается в 8–17 раз больше, чем на черепе³. Приведенные сведения позволяют говорить о том, что количество ранений, приходящихся на туловище, примерно в десять раз превосходит число поражений головы. Согласно этому из 28 погребенных индивидов, по меньшей мере, 20, а то и все 28 могли иметь какие-либо боевые поражения. Раны, наносимые в корпус, красноречиво иллюстрируются следами ножевых ударов, обнаруженных на мумифицированных останках из погребения № 30 могильника Зеленый Яр. Таким образом, наблюдаемый краниальный травматизм указывает на то, что большинство или даже все погребенные в коллективных захоронениях могли быть убиты.

Итак, аргументами в пользу гипотезы «братских могил» являются: принадлежность 19% коллективных захоронений жертвам вооруженных столкновений; преобладание в погребениях мужчин; значительный черепной травматизм среди погребенных.

Теперь рассмотрим альтернативные обстоятельства, могущие привести к коллективным захоронениям. Как уже говорилось, такой причиной могла быть смерть от инфекционного заболевания. Практика археологических раскопок показывает, что для захоронений после эпидемий, прежде всего, характерна многочисленность погребенных. Так, при пандемиях чумы количество умерших, помещенных в одну яму, достигало нескольких сотен⁴. В синташтинских коллективных погребениях, которые интерпретируются как захоронения умерших в ходе эпизоотии ящура, количество индивидов доходит до восьми, при этом преобладают погребения более чем с двумя умершими⁵.

Очевидно, что для анализируемых в данной работе средневековых погребений, в которых находятся два, реже три индивида, критерий множественности явно не подходит. Следовательно, смерть в ходе эпидемии едва ли могла быть основным фактором, способствующим созданию средневековым населением Западной Сибири коллективных погребений. К тому же весьма трудно подобрать инфекционное заболевание с летальным исходом, поражающее преимущественно взрослых мужчин.

Еще одной причиной, приводящей к единовременному захоронению нескольких людей, являются человеческие жертвоприношения, связанные со смертью важной персоны. Ожидается, что в этом случае в погребальном комплексе должна существовать подчиненность одних останков другим. Ярким примером этому является погребение № 79 Сайгатинского могильника. Здесь человек, представленный элементами разных отделов скелета, явно доминирует над индивидами, чьи останки составляют лишь черепа. В других же рассматриваемых коллективных погребениях очевидных приоритетов среди погребенных ни по положению в могильной яме, ни по сопровождающему инвентарю не наблюдается. Таким образом, объяснение захоронений, в которых обнаружены останки тел нескольких индивидов, жертвоприношением представляется необоснованным.

И последняя ситуация, ведущая к периодическому возникновению коллективных захоронений, — это несчастные случаи. Несчастный случай — редкое, экстраординарное событие. Смертность от несчастных случаев и насильственных действий в разных странах Европы и Америки XIX–XX веков составляла от 1,9 до 8,6%⁶. В коллективных захоронениях рассматриваемых средневековых могильников находятся 35% всех погребенных. Предположение о существовании системы жизнеобеспечения, при которой треть населения гибнет в ходе непредвиденных ситуаций и основными участниками этих событий оказываются взрослые мужчины, выглядит, по меньшей мере, фантастичным. Гипотетическое существование такого образа жизни должно было или претерпеть быструю трансформацию, или привести к полному вымиранию населения.

Таким образом, ни одна из предложенных альтернативных моделей не может быть принята в качестве удовлетворительного объяснения широкого распространения коллективных погребений в Западной Сибири в средневековый период.

Проведенное на примере могильников Зеленый Яр и Сайгатинский VI исследование позволило проанализировать разные механизмы формирования коллективных погребений. Из четырех основных предположений наибольшее обоснование получила гипотеза «братской могилы». Это позволяет рассматривать ее в качестве основной модели, объясняющей существование множественных захоронений на средневековых кладбищах таежной зоны Западной Сибири. Таким образом, основная часть коллективных погребений указанных некрополей является местами захоронений людей, убитых в ходе вооруженных конфликтов.

¹ Карачаров К. Г. Археологические исследования на могильнике Сайгатинский VI и селище Кучиминское XXII в 2004 году: Отчет о НИР. — Сургут, 2005. — Архив ИИиА УрО РАН. — Ф. I. Д. 97.

² Зеленый Яр: Археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Отв. ред. Н. В. Федорова. — Екатеринбург–Салехард, 2005.

³ Jurmain R. Stories from the skeleton. Behavioral reconstruction in human osteology. — Amsterdam, 1999. — Tabl. 6 — 5.

⁴ См. напр.: Signoli M., Leonetti G., Dutour O. The Great Plague of Marseilles (1720–1722): new anthropological data // Acta Biologica. 1997. № 42. — P. 123–133.

⁵ Ражев Д. И., Етимахов А. В. Некрополи бронзового века: феномен многочисленности детских погребений // Экология древних и современных обществ: Тез. науч. конф. — Тюмень, 2003. — С. 244–247; Етимахов А. В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. — Челябинск, 2002. — С. 102–117.

⁶ Вишневский А. Г. Смертность // Демографический словарь. — М., 1985. — С. 409–413.